

Спина Джоффри была прямой как доска, а дыхание ровным. Пышные подушки замка Дарри оказались слишком мягкими для него, и он в конце концов решил забыться в углубленной медитации. Миниса Дарри была разбита горем, когда Джоффри появился перед воротами замка с семью тысячами воинов; новости как всегда долетели быстрее, чем можно домчаться конем. Джоффри едва успел пообещать сохранение жизней защитников крепости, когда она сдала замок... он был почти уверен, что вскоре молчаливые сестры получат новую послушницу.

Он развеял тревоги и кошмары, продолжая погружаться в глубины сознания, поток ощущений постепенно растворялся в нереальности, когда благословенный покой затопил его, увлекая за собой. Он чувствовал себя словно камень, который тонул в глубинах летнего моря, тонул, тонул и тонул...

Юноша снова почувствовал хрупкое прикосновение того, что чувствовалось пластинкой из китовой кости, привычное ощущение, так далеко от Красного Замка, однако одновременно так близко, так, словно он мог вот-вот коснуться ее. Его внимание постепенно сконцентрировалось на той единственной точке, когда он пропустил это чувство через себя, следуя за воспоминаниями привычной тайны и знания, морской соли и штормов, грубых линий на гладкой белой плоскости.

Он следовал за его тягой, так же, как он делал со Звездами, используя ощущение как веревку, чтобы направлять себя. Он исследовал вещь чем-то гораздо более совершенным, чем просто зрение, звук или осязание. Это было всем, чем на самом деле была табличка: почти абстракцией, словно сама ее суть была укоренена или привязана между странными извилистыми линиями вокруг него.

Джоффри следовал за связями, которые становились все более сложными, сгибы превращались во фракталы, тени набирали материальность, а линии становились опорными тягами, и Джоффри поднимал взгляд все выше и выше, пока не осознал, что теперь он смотрит на свою собственную душу во всей ее ужасной сложности; ее поддерживали бесчисленные столбы из такого знакомого Пурпура, что тянулись в бесконечность...

Он закричал приглушенным голосом, открывая глаза, дыша как утопленник, вскочил на ноги, и почувствовал, съежившись, что держит руки скрещенными на груди. Он укусил себя за руку, быстро моргая, раскачиваясь вперед и назад и вызывая появление крови на ладони, благословенная боль словно якорем привязывала его к реальности. Привязывала к тому, что он считал реальностью.

...Даже сейчас боль ощущалась менее реальной, чем те столбы.

- Ваша милость?! Джоффри?! - воскликнул Сандор, хватая Джоффри за плечи.

Юноша посмотрел на него, как тонущий моряк - на кусок плавающей на поверхности древесины, а затем практически задушил его, когда обнял дрожащими руками.

Сандор Клиган. Пес. Он ощущался реальным.

Джоффри крепко его обнял, чувствуя прохладу стального нагрудника и легкий перегар от пива, неловкое похлопывание по спине и настороженный голос.

- Это был лишь сон... Джоффри. Лишь страшный сон, - сказал он неуклюже.

На секунду Джоффри показалось, что он снова оказался в Красном Замке, таким сильным было ощущение дезориентации. Что же было реальностью? А что - нет? Чувство вины за убийству

лорда Дарри и его сына начало медленно возвращаться и стало, на удивление, словно бальзамом для души; тревожное бремя его безнадежной затеи и физическая усталость отвлекли поток мыслей от того экзистенциального ужаса.

- Со мной все хорошо, Сандор, все хорошо. Как... как мне кажется, все хорошо, - пробормотал он, опуская руки.

Пес отошел на шаг, колеблясь, сир Барристан внимательно осмотрел комнату.

- Спасибо, Сандор, спасибо, спасибо, - сказал юноша, глубоко вдохнув, быстро кивая каждые две секунды.

Почему даже медитации мне уже не помогают? - подумал он с сильным отчаянием. Король в последний раз кивнул головой, сосредоточившись на насущной реальности.

- Сандор... передай людям, что мы выступаем сегодня, они достаточно отдохнули, - сказал он.

Пес утвердительно кивнул, отходя назад, со взглядом, полным уважения, которое Джоффри так отчаянно пытался вызвать в таком количестве прошлых жизней, однако без всякого следа веселых нюансов дружбы. Джоффри признал, что ему гораздо больше нравились те предыдущие отношения, когда он отвел взгляд, садясь на пол. Он уже почти и не спал на кровати; тело как будто больше привыкло к твердой земле, чем к непривычно мягким кроватям Вестероса, в которых можно было утонуть. И конечно же на полу было удобнее, чем на мешках с песком, что вызывали клаустрофобию и служили в замке Дарии матрасами.

Он покачал головой. Впереди было много работы.

Рассказы о том, что произошло в "Битве на Кровавых Полях", быстро распространились по сторонам, как это обычно бывает в таких ситуациях. Джоффри несколько удивился такому названию, хотя, если подумать, вестеросцы имели почти естественное влечение к называнию вещей и событий в очень причудливом, но одновременно и достаточно предсказуемом стиле. Больше его удивили поздравления со стороны сира Эджертона относительно победы в битве таким хитрым способом.

- ...Почему все вокруг называют это битвой? - спросил он лорда с довольно раздраженной интонацией. Лорд Гейн выглядел смущенным вопросом, поэтому Джоффри просто сказал не обращать внимания, разочарованно жалея, что без причины ополчился на собеседника. Ведь, если учесть то, что их небольшая стычка на берегу Божьего Ока едва заслуживала название "бой", то слово "битва" должно означать... что-то... большее... масштабнее. Он почувствовал, что дальше называть те события фарсом было бы оскорблением для всех, кто там погиб... кроме того, этот взрыв раздражения лишь привел к появлению странных взглядов от лордов и рыцарей из его окружения.

С другой стороны, его необычное поведение в отношении политики (в Вестеросе под этим понимали войну и наказание врагов) было встречено весьма одобрительно. Решение о передаче замка Дарри одному из сыновей лорда Баквелла оказалось достаточно удачным, и не

только с его собственной точки зрения. Доблестный лорд Оленьих Рогов ушел из жизни от раны на следующий день после "битвы", чем только усилил разочарование Джоффри в этом мире в общем.

Его решение отослать лорда Гонта для заручения лояльностью соседних крепостей и умирения дворянских домов вблизи Рубинового Брода, как оказалось, было менее удачным. Лорд Гонт едва сдержал свою ярость и с ворчанием покинув замок; то, что его люди были наиболее подготовлены к такому заданию, а он сам – лучшей кандидатурой, учитывая политическое влияние, словно пролетело мимо его уха.

Все, о чем он думал, - это о "бесчестии", как будто его отсылали подальше от своего сюзерена посреди кампании, только чтобы вести переговоры с какими-то никому не известными речными лордиками.

Остальные лорды и рыцари выказывали королю знаки уважения, отдельные даже смотрели со страхом, но даже так казалось, что его "жесткий" стиль правления был тяжелым для многих. От организации поставки припасов и формирования обоза до его политики в отношении рейдов, когда он назначал главными самых опытных вместо более родовитых - все это выглядело так, будто его способ ведения войны давил эго и гордость многих дворян, как сумасшедший слон.

Страх и уважение заставляли многих молчать и не рыпаться, но зато приводили от частных разговоров, до скрытого неуважения и обсуждения заговоров, вместо открытого общения, как было раньше.

Даже то его решение - полностью окружить и сокрушить силы речников в "битве" - вызвало определенные нарекания, когда немало лордов считали, что надо было просто позволить отдельным меньшим домам помахать оружием перед тем, как они бы с честью сдались и принесли вассальные присяги на своих собственных условиях. Джоффри на самом деле чихать хотел на все это. Если они считают, что он мог бы оставить существенную вражескую силу у себя за спиной, ничем не сдерживаемую от рейдов на поставки из тыла, руководствуясь лишь каким-то глупым чувством благородства, то этим лордам придется еще много чего узнать.

Он посмотрел налево, на извилистые воды Зеленого Зуба, по которым плыли листочки и веточки; в реке время от времени было видно речную форель, что выпрыгивала из глубин и мгновенно исчезала в водах.

Вот бы однажды сесть на речной кораблик и поплыть вниз по течению... чтобы покинуть все тревоги, и наслаждаться солнцем и нежными волнами... - он потерялся в мечтах, пока конь вез короля вдоль Королевского тракта, практически во главе всей армии. Постоянный шум от их шагов быстро вернул его к реальности.

- Итак, что на счет твоего желания погибнуть? - внезапно спросил он несколько встревоженного на вид молодого человека в ливрее Мутонов, что ехал возле короля сбоку.

Вопрос застал юношу врасплох, когда он обернулся:

- А-а, ваша милость... это... я просто пытался выполнить свои обязательства, - сказал он, чувствуя себя неудобно от темы разговора.

Лорд Уиллард Мутон приклонил колено и поклялся в верности Короне от имени дома Мутонов, но они почти не разговаривали между собой по тому, за исключением требования Джоффри присоединиться к походу и послать всадника за подкреплениями к Девичьему пруду. Джоффри хотел узнать больше про этого юношу, который весьма заинтересовал его. Уиллард присоединился к нему, когда армия двинулась вперед, очень вникая, чего же от него хочет этот новый король.

- Это было больше чем, обычная верность. Никто не ожидает от дворянина, чтобы тот пойдет на смерть, когда есть шанс на почетную капитуляцию, - Джоффри размышлял вслух. После стольких лет в путешествиях, после стольких встреченных новых людей, он знал, что там должно быть еще что-то внутри этого юного отпрыска благородного дома.

- Это был единственный выбор для меня, ваша милость. Я должен, - ответил тот, с необычным дрожанием голоса.

Джоффри откинулся назад в седле:

- Это нормально - бояться, Уиллард, кто не...

- Я НЕ ИСПУГАЛСЯ! - внезапно взорвался Мутон, напрягшись всем телом.

Джоффри не ответил, продолжая езду, и снова посмотрел на реку. Ряд величественных тополей рос вдоль берега на этом участке Зеленого Зуба (они служили естественной стеной и дренажной системой, что хранила стабильным русло реки), вместе с по вспаханной землей и малым количеством сорняков на полях свидетельствовали о тщательном уходе умелых рук за этими землями.

- Я почти обоссался от страха во время моей первой битвы, - неожиданно начал Джоффри, с взглядом, удаленным в бесконечность. Он словно почувствовал недоверчивый взгляд Уилларда, недоверие, исходящее от него, как какой-то огненный шар.

- Это все ощущается, как будто прошла целая жизнь... точнее даже немало жизней, - он засмеялся собственному каламбуру, разглядывая плавный изгиб реки, небольшую старицу, полностью поросшую кувшинками, что покрывали хлопьями листьями всю поверхность воды,

- Я побежал оттуда, не мог выдержать постоянный ритм движения врагов и свист стрел... тогда было темно, почти полночь, - он продолжил, когда листья кувшинки превратилось в воображении в небольшие лодки с гребцами и горящие корабли, и каждый цветок имел угрюмое лицо воина с Драконьего Камня.

- Да... я помню, как тогда меня шокировала тьма вокруг. Я переводил взгляд от факела до факела, словно пытался поглотить их свет самой сущностью, - сказал он с коротким смешком,

- Я тогда на самом деле ничего не знал... Поэтому конечно тем лишь постоянно себя слепил, не видя ничего под стенами... казалось, что сердце вот-вот взорвется, так оно колотилось... я как-то смог представить себе в голове образ страшного воина... страшного короля Джоффри... с

названным им же мечом и блестящим доспехом... живой легендой... – он прервал фразу, поднял взгляд вверх, словно следя за невидимыми объектами в небе.

– Стрелы падали так обильно... это выглядело настоящим дождем... – он почти прошептал.

Они еще немного проехали, сохраняя молчание, вдруг Джоффри перевел взгляд на заколдованного Уилларда:

– Страшный король Джоффри... – повторил он снова с самоуничижительной улыбкой,

– Как сейчас люди называют меня между собой? – спросил он у юноши.

Уиллард беспокойно подвигался в седле, глядя на камни на дороге, прежде чем перевести взгляд на подбородок Джоффри:

– Кровавый Лев, ваша милость, – наконец произнес он.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1835563>